



**Данное издание оцифровано  
в Воронежской областной  
универсальной научной библиотеке  
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>  
<http://vk.com/vounb>  
e-mail: [vounb@mail.ru](mailto:vounb@mail.ru)  
+7 (473) 255-05-91

**ПРИБАВЛЕНІЯ**  
**КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ**  
**ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.**

Апрѣля 1-го № 7. 1868 года.

---

— *Содержаніе.* — Слово въ четвергъ 5-й недѣли великаго поста. —  
Поученіе въ великій пятокъ. — Обь отношеніи христіанина къ дру-  
гимъ. — Объявленіе.

---

**С Л О В О**

въ четвергъ 5-й недѣли великаго поста.

*Душе моя, душе моя! возстани что спиши;  
конецъ приближается и имаша смутитися; вос-  
пряни убо, да пошадитъ тя Христосъ Богъ, иже  
вездѣ съи и вся исполмаяй. (Кондакъ по 6-й пѣс-  
ни великаго канона Св. Андрея Кр.)*

Не мыслимо счастье, нѣтъ приобрѣтенія и ужас-  
ная опасность, когда душа спитъ. — Душа спитъ!  
Что за сонъ безсмертной, духовной, Богоподобной  
души? Разумныя наблюденія утверждаютъ, что *духъ*  
*бодръ* и нѣтъ времени, когда бы не бодрствовала ду-  
ша; даже во время самаго глубокаго сна тѣлеснаго  
она можетъ дѣйствовать еще съ большею силою и  
свободою. Но неложно и не напрасно слово и св.  
Андрея Критскаго, обращенное къ спящей душѣ.  
Это чувствуетъ и сознаетъ сама душа и, почти,

каждаго. Должно быть, святой подмѣтилъ, что есть свой сонъ души—духовный, какъ свой у тѣла—тѣлесный. И видно крѣпокъ и глубокъ сонъ души, что она не только сама по себѣ ни какъ не проснется, но и трогательное одно воззваніе не пробуждаетъ её: душе моя, душе моя, повторяетъ Святой, возстани, что спиши? И вѣрно бѣдственно—опасенъ сонъ души, ибо за нимъ, не замѣтно для ней самой приближается несчастный исходъ сна ея и страшное возмущеніе въ ней самой. Глубоко тронутый предстоящею погибелью сонливой души, святой не просто, но съ чувствомъ крѣпкой любви и искренняго состраданія, съ глубокимъ сожалѣніемъ и предостерегательно—ускорительнымъ благожеланіемъ спасаться ей, умоляетъ ее пощадить себя скорымъ пробужденіемъ отъ сна, приготовленіемъ къ приближающемуся концу и исканіемъ единственной пощады во Христѣ—Богѣ. Душа моя, душа моя, возстань что спишь ты? конецъ приближается и ты возмутишься; пробудись же, дабы пощадилъ тебя Христосъ Богъ, вездѣсущій и все наполняющій.

Подлинно спитъ несчастная душа, пребывающая въ небреженіи и бездѣятельности о спасеніи своемъ. Спитъ бѣдственная душа въ самозабвеніи о цѣли земной жизни своей. Спитъ злосчастная душа въ грѣхолобивой жизни, въ нераскаянности о беззаконіяхъ и не исправленіи своемъ предъ Богомъ. Спитъ безотрадная душа, преданная удовольствіямъ чувственной жизни, постоянно раболѣпствуя только плоти и крови, міру и обычаямъ его. Словомъ: спитъ душа, не творящая добродѣтелей и предавшаяся порокамъ и грѣхамъ. Спитъ; но удивительно

и изумительно—зловѣщъ сонъ ея! Какъ спать, когда время земной жизни дано человѣку для пріобрѣтенія вѣчныхъ райскихъ благъ? Какъ быть бездѣятельнымъ, когда время этой жизни такъ быстро и невозвратно, что ни успѣешь сказать слово и оно уже кануло въ вѣчность—нѣтъ его; и только явится, непременно явится въ вѣчности—на судѣ Божіемъ. *О всякомъ словѣ праздному, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда* (Мат. 12. 36), сказалъ Господь. Даже одна неосторожность въ словахъ и мысляхъ легко разрушаетъ вѣчное счастье души; что-жъ сказать о такой несчастной душѣ, которая, забывая собственное свое назначеніе—постоянно работать Господеви со страхомъ,—не только не дѣлаетъ се-го; но напротивъ работаетъ мамонѣ, страстямъ и похотямъ своимъ, и предаваясь грѣхолюбивой жизни, не радить о спасеніи своемъ. Грѣшникъ, пришедъ во глубину золъ,—не радить. Не радить; но время жизни мгновенно мчится и невольно приближаетъ его къ концу. Теперь пока живѣтся, рѣдко кто помышляетъ о той страшной отвѣтственности во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ; но конецъ жизни откроетъ предъ нами всю нашу жизнь—отъ невиннаго пожеланія и необходимаго слова до преступнаго дѣла—и при томъ въ ясномъ свѣтѣ. *Сотвѣтъ, возопивъ крѣпкимъ гласомъ, воззоветъ къ сличенію нашей жизни съ требованіемъ Евангельскаго закона, яко труба возвыситъ гласъ свой, (Ис. 58. 3.)* гласъ, упрекающій и поражающій за возможное исполненіе должнаго и возможнаго, но не исполненнаго человѣкомъ—Христіаниномъ; она представитъ тогда въ полной важности всѣ грѣхи и прегрѣше-



нія, явныя и тайныя, вѣдомыя и невѣдомыя; откроется тогда и единственное утѣшеніе человѣку— въ добродѣланіи его при жизни. *Егда возвратишися...., съ пути странствованія земной жизни,.... воздохнеши и уразумѣши, гдѣ еси былъ.* (Ис. 13—15.).

Представьте себѣ, сл.! самымъ дѣломъ, какъ страшно и ужасно время не минуемой кончины всѣхъ и каждаго изъ насъ?!. Но часто ли всякій помышляетъ о ней и готовится къ концу?.. При кончинѣ всѣ предметы земныя представляются въ настоящемъ своемъ видѣ; откроется тогда совершенная безцѣнность всѣхъ сокровищъ вѣка сего, которыми такъ часто и много мы интересуемся, занимаемся и даже гордимся при жизни. Опытно узнаемъ тогда, что всѣ веселости и удовольствія, богатства и почести, всё, всё суета и крушеніе духа, кромѣ страха Божія и добродѣтели. Ахъ, какъ тогда потужать и восплачутся жившіе пространнымъ, а не тѣснымъ спасительнымъ путемъ! *Придетъ бо* и самая усладительная, —и, безъ сомнѣнія, только по видимому, —пріятная мірская жизнь, *яко снѣгъ, и яко вѣсть претекающая* (Прем. 5. 9), замѣтилъ Премудрый. «На тѣсномъ пути, говоритъ Св. Василій Великій, умерщвленіе имати: напространномъ угожденіе плоти. На тѣсномъ постъ: на пространномъ пѣяство. На тѣсномъ слезы: на пространномъ смѣхъ неумѣренный. На тѣсномъ молитва: на пространномъ танцование. На тѣсномъ воздыханіе: на пространномъ веселіе и лики. На тѣсномъ чистота: на пространномъ блудъ (На псал. 1-й). Поищемъ тогда въ себѣ чистоты тѣлесной и душевной, поищемъ благочестія христіанскаго и святости жизни, съ искреннимъ вниманіемъ поищемъ тогда

въ себѣ и всѣхъ добродѣтелей; но найдемъ ли, если не приобрятемъ, не усвоимъ ихъ при жизни?.. *Блаженни умирающии*, только с *Господь отъ нынѣ. Ей глаголетъ Духъ да почиетъ отъ трудовъ своихъ.* (Апок. 14. 13.) Не безызвѣстно, что добродѣтельная и беззаконная жизнь зависитъ собственно отъ насъ самихъ — отъ произвола нашего. «Господь Богъ сотворилъ насъ безъ насъ, сл!, но спасти насъ безъ насъ не можетъ» сказалъ блаженный Августинъ. Онъ, Творецъ, создалъ насъ свободными, даровалъ намъ всѣ Божественныя силы, потребныя къ животу и благочестію. Посему отъ насъ самихъ, отъ нашей собственной дѣятельности, слѣдуетъ счастливая или несчастная судьба наша. *Царствѣ небесное нудится*, говоритъ Спаситель, и только *усильные искатели восхищаютъ оное.* Жизнь вѣчная есть награда, которая заслуживается трудами благочестивой жизни; а за жизнь праздную и снотолубивую можно, или должно ли ожидать чего, кромѣ ада? Вотъ и при кончинѣ временной жизни, отъ чего душа возмутится, вострепещетъ и смятется, какъ не отъ тѣхъ самыхъ грѣховныхъ привычекъ, съ которыми не хотѣла разстаться въ жизни, какъ не отъ тѣхъ нечистыхъ страстей, которымъ раболѣлствовала, и беззаконныхъ пожеланій, которыя обращала въ злосчастное услажденіе своей жизни? Что тогда составятъ для души похоти и сладострастія, какъ не ужасный, внутренній, свой собственный — самодѣльный адъ?. *Заблудихомъ отъ пути истиннаго, возетонетъ тогда душа,..... незаконныхъ исполнихомъ стезь и погубили... пути же Господня не уведьхомъ.* Да; многіе пожелаютъ тогда проводить всю свою жизнь спаси-

тельно, самоотверженно и, даже, страдать во всѣхъ страданіяхъ земныхъ, если бы то было возможно и потребовалось; но день жизни пройдетъ невозвратно, ночь смерти приблизится непреложно. И вотъ, однажды на всегда затворится дверь этой жизни для всѣхъ и каждаго изъ насъ; и отвернется незнакомая, предивная, непостижимая, безпредѣльная страна вѣчности, — вѣчности, всегда продолжающейся и никогда, никогда не прекращающейся, — вѣчности вѣчно блаженной или вѣчно несчастной, сообразно достоинству или недостоинству земной жизни каждаго человѣка.

Одно только Божественное Откровеніе дало намъ знать, что въ вѣчности много уготовано Отцемъ Небеснымъ неизобразимо прекрасныхъ обитателей, исполненныхъ Божественнаго свѣта, небесныхъ красотъ и вѣчныхъ, полныхъ счастья и блаженства, райскихъ утѣшеній и пріятностей.

При такомъ блаженствѣ и полнотѣ счастья святыхъ непріятною кажется та вѣчно-неизмѣняемая истина, что ни чтоже скверно увидеть въ оный прекрасный, святѣйшій, Божественный Чертогъ. Да; не хотѣлось бы и вѣрить; но нельзя же и не вѣрить, когда увѣряетъ Самъ Господь Спаситель, что будетъ въ вѣчности — въ удаленіи отъ Бога — мучительное мѣсто для грѣшниковъ и для недобродѣтельныхъ; тамъ въ огнѣ геенскомъ они вѣчно будутъ страдать въ несказанно-лютѣйшихъ страданіяхъ. И не будетъ тамъ смѣны часовъ, дней и тысящелѣтій. Одна страшная, неослабная, безотрадная, безнадѣжная, безконечная — вѣчная мука.

Евангельская притча о десяти дѣвахъ даётъ

намъ понять и разумѣть тайну вѣчнаго счастья или несчастія нашего на небѣ. Пришелъ въ полночь женихъ, — и готовыя дѣвы вошли съ нимъ на бракъ и двери затворились; не готовыя же пошли себѣ купить елей; потомъ пришли и начали взывать: Господи, Господи! отверзи намъ. Но Онъ сказалъ: не знаю васъ. Почему? Потому, что онѣ не позаботились купить елей — благовременно — днемъ. Кто не понимаетъ смысла этой притчи? День означаетъ жизнь сію, а ночь — смерть: Женихъ — Богъ, дѣвы — души: елей — добрыя дѣла; мудрыя дѣвы означаютъ заботящихся благовременно, т. е., во всю эту жизнь, о приобрѣтеніи добродѣтелей; а гуродивыя изображаютъ спавшихъ грѣховнымъ сномъ. Очевидно Господь поучаетъ насъ тому, что подобаетъ намъ въ этой жизни болѣе всего пещись о душѣ — вещи безсмертнѣй и подобаетъ это дѣлать, дондеже день есть; придетъ бо ночь, егда никтоже можетъ дѣлать. *Вдите и молитесь, внушаетъ Спаситель, да невидите въ напасть: не въсте бо дне и часа, въ который Сынъ Человѣческій придетъ.* Блюди убо душе моя, предостерегательнымъ гласомъ воспѣваетъ Св. Церковь, да несномъ отяготишися, да не смерти предана будещи и Царствія вни затворишися. Истинно блаженъ, екоже Господь обрящетъ бодрствующимъ и заботящимся о спасеніи своемъ.

Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего важнѣе, достойнѣе и драгоценнѣе души нашей. Она есть образъ неизреченныя славы Самаго Бога. При окончательномъ погубленіи ея нѣтъ нигдѣ и никакой замѣны и выкупа за нее, ни на землѣ ни на небѣ. *Какая польза человеку,* говоритъ Господь, *если онъ приобрьтетъ весь*

миръ, а души своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ за душу свою? (Мат. 16. 26.) И только изумительная Жертва самаго Всесильнаго Единороднаго Сына Божія могла искупить человѣческія души отъ вѣчной гибели. Послѣ сей ужасной Божественной Жертвы искупленія, судите, что значитъ забвеніе души о назначеніи своемъ, забвеніе о Богѣ, преступленіе Закона Божія—грѣхъ?.. *Отверся кто Закона Моисеева, замѣчаетъ Св. Апостоль Павелъ, безъ милосердія при двоиъхъ или трехъ свидѣтеляхъ умираетъ. Колико, мните, горшия сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь заветную скверну возмивъ, кровь, еюже освятися, и Духа благодати укоривый. Въмы бо рекшаго: Мнѣ отмщете, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. И пакы: яко судитъ Господь людемъ своимъ. Страшно есть, еже впасти въ руки Бога живаго.* (Евр. 10. 28, 31). Такъ и въ Самомъ Богѣ не найдетъ душа ничего отраднаго, если погубитъ себя недобродѣтельною и беззаконною жизнію. Самыя райскія утѣшенія праведныхъ могутъ доставить только вѣчную тоску и скорбь, сокрушеніе и мученіе творящимъ злое.

Теперь, сл! пока живемъ, всё имѣемъ благопріятное время устроить и приготовить вѣчное счастье для себя и въ себѣ на вѣки безвременные. Теперь и Божественная благодать всегда немощное наше врачуетъ и оскудѣвающее восполняетъ. Теперь Самъ Господь Іисусъ Христосъ—наше освященіе, сила и оправданіе,—по великой милости Своей готовъ простить намъ всё грѣхи, при истинномъ раскаяніи нашемъ. Онъ Вездѣсущій и все исполняющій Самъ стоитъ при дверяхъ нашего сердца, умоляетъ, воз-



буждаетъ и помогаетъ въ дѣлѣ спасенія нашего на землѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ хочетъ насъ облаженствовать и на небѣ. Съ первымъ обращеніемъ нашего сердца, Онъ съ Божественно-отеческою любовію желаетъ пощадить и помиловать. Но по смерти этой милости не будетъ. Тогда каждый отъ дѣлъ земной жизни своей или прославится, или постыдится (Мат. 14. 38), и отъ словесъ своихъ или оправдается или осудится. *Возстани спяй*, внушаетъ Св. Апостоль, *и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ*. (Ефес. 5. 14). Душа моя, возстань, что спишь ты? Конецъ приближается и ты возмутишься; пробудись же, дабы пощадилъ тебя Христосъ Богъ, вездѣ сущій и все наполняющій. Аминь.

*Свяцу. Стефанъ Казминъ.*

## ПОУЧЕНІЕ

въ великій пятокъ.

*Не плачтитеся о Мнѣ, обаче  
себе плачте и чадъ вашихъ.—  
Лук. 23—28.*

Въ тотъ послѣдній роковой день страдальческой жизни возлюбленнаго Спасителя нашего, Иисуса Христа, когда ожесточенная злоба Іудеевъ съ адскимъ злорадованіемъ вела Его на мѣсто мученія и распятія, нѣкоторыя сострадательныя души, въ сердечной скорби, въ глубокомъ сокрушеніи, сопровождая Его, плакали и рыдали. Великій Страдалецъ, тронутый ихъ скорбію и слезами, обратясь къ нимъ,



сказалъ: *не плачятеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ.*

Смотря теперь на этотъ образъ страждущаго и распятаго Спасителя, и намъ, братіе-христіане, должно скорбѣть и болѣзновать, плакать и рыдать не о Его тяжкомъ жребіи, а о своей горькой участи. *За пріятіе смерти вѣнчанный славою и честью* (Евр. 2. 9.), Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ одесную Бога Отца возсѣдитъ уже на престолѣ Божественнаго величія; Ангелы и Святые Божіи поклоняются и въ притрепетномъ благоговѣніи служатъ Ему; небо и земля величаютъ и прославляютъ Его, яко Господа, Владыку и Благодѣтеля; за безприкладное уничиженіе Его, за добровольное смиренное послушаніе Его даже до смерти, и смерти крестной, Господь Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени: а потому нынѣ о Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ не скорбѣть истиннымъ христіанамъ, а радоваться и торжествовать должно: *Не плачятеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ!*— Да, дѣйствительно, братіе, участь наша собственная и чадъ нашихъ слишкомъ, слишкомъ прискорбна, достойна вполнѣ сердечныхъ слезъ и горькаго оплакиванія! Жаль только, крайне жаль, что мы мало занимаемся размышленіемъ о своей горькой и плачевной долѣ, рѣдко думаемъ о томъ, что ожидаетъ насъ, несчастныхъ, въ будущемъ: міръ и житейская суета всецѣло увлекаютъ насъ, омрачаютъ умъ нашъ и не даютъ намъ времени и возможности войти въ себя и увидѣть свое несчастное положеніе!

Любвеобильный Господь Богъ *отъ начала путей Своихъ* стяжалъ человѣка въ любовь Свою. Не

было еще земли и неба, не было источниковъ и безднъ, а человѣкъ составлялъ уже для Господа Бога предметъ особеннаго благоволенія, средоточіе и цѣль всѣхъ Его намѣреній. Сотворивъ міръ, украсивъ его всѣмъ богатствомъ и всякимъ велелѣпіемъ, Господь Богъ создалъ и человѣка, поставилъ его царемъ земли, владыкою вселенной, все въ мірѣ покорилъ подъ нозѣ его, ввелъ въ рай сладости и окружилъ его всѣми благами всецѣдрой десницы Своей. Но человѣкъ тутъ же вскорѣ показалъ, какъ мало умѣетъ онъ цѣнить благодѣянія Отца небеснаго! Осыпанный всѣми дарами счастья, по благодати Отца небеснаго возвеличенный до блаженства ангельскаго, человѣкъ въ самомъ раю высказалъ тяжкую неблагодарность къ своему Творцу, ужасную непризнательность къ своему Благодѣтелю, учинилъ преслушаніе противъ святѣйшей воли всеблагаго Законодателя своего—Бога. Любовь Отца небеснаго и здѣсь, однакожь, не отвергла несчастнаго грѣшника и, наказавъ его в малъ, больше начала благодѣтельствовать ему: чѣмъ безотвѣтнѣе былъ предъ Богомъ человѣкъ, тѣмъ любвеобильнѣе явился къ нему Господь Богъ. Для взысканія и вразумленія заблудшаго, для спасенія несчастно-погибшаго, Отець небесный, по безприкладной любви Своей, употреблялъ все, что только можетъ придумать высочайшая премудрость Высочайшаго Бога: то Самъ являлся и глаголаъ ему глаголы живота вѣчнаго въ соніяхъ и видѣніяхъ, явъ и лицомъ къ лицу, то посылаъ къ нему Пророковъ и Избранниковъ Своихъ, а наконецъ, въ послѣдокъ дней, послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа. И вотъ, о

чудо изъ чудесъ! возлюбленный Сынъ Божій дѣлается за насъ жертвою, Своею кровію спасаетъ насъ, когда мы достойны были вѣчнаго наказанія. Низшедши съ неба на землю, Онъ добровольно подвергся всѣмъ тѣмъ ударамъ, которые долженствовали пасть на насъ, несчастныхъ грѣшниковъ, претерпѣлъ нищету и злостраданія, поношенія и поруганія, заушенія и оплеванія, распятіе и самую поноснѣйшую смерть. Спасши, такимъ образомъ, родъ человѣческій отъ вѣчной погибели, обрѣтши овча заблудшее, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ не только Самъ радовался и восхищался, но возбуждалъ къ торжеству вмѣстѣ съ Собою и небо и землю, какъ будто человѣкъ составляетъ для Него единственную радость и наилучшее сокровище: скажите, братіе, можно ли вообразить что либо выше сей любви? — Но чѣмъ платимъ мы за такую безпредѣльную любовь Отца небеснаго? Чѣмъ воздаемъ Ему за всѣ тѣ неизглаголаннныя благодѣянія, какія излилъ Онъ на насъ, непотребныхъ грѣшниковъ? Есть ли въ насъ хоть малѣйшая искра той любви къ Господу Богу, какою Онъ первѣе насъ возлюбилъ? Даже чувствуемъ ли ее, сознаемъ ли цѣну всѣхъ благодѣяній Отца небеснаго, помнимъ ли любвеобильную и всецѣдную десницу Его? О, братіе христіане! Какъ не скорбѣть, какъ не плакать и не рыдать намъ о себѣ и о чадѣхъ своихъ? Господь Богъ, особенно въ Единородномъ Сынѣ Своемъ, даровалъ намъ слишкомъ много; а кому дано много, отъ того много и потребуется. Если послѣ всѣхъ благодѣяній Божіихъ мы произвольно грѣшимъ; то, знайте, возлюбленные, что нѣтъ уже болѣе жертвы за грѣхи

наши, и никакого уже не будетъ намъ болѣе помилованія. Искупленные честною кровію Іисуса Христа, мы всецѣло уже принадлежимъ Ему; а потому должны жить и дѣйствовать, какъ истинные послѣдователи Его. И горе, тяжкое горе намъ и дѣтямъ нашимъ, если только мы не слѣдуемъ заповѣдямъ возлюбленнаго Спасителя нашего Іисуса Христа и уставамъ Святыя Церкви. Если преступникъ закона Моисеева безъ милосердія наказывался смертію: то гораздо жесточайшему мученію повиненъ будетъ тотъ Христіанинъ, который преступаетъ заповѣди Іисуса Христа.

Трепеща и содрогаясь за свою будущность, будемъ, братіе, плакать и рыдать! По милосердію Отца небеснаго, сердечныя слезы и воздыханія омоютъ скверну душъ нашихъ и угасятъ яростный огонь гнѣва Божія. Будемъ плакать и рыдать здѣсь, во времени, чтобы не плакать и не воздыхать тамъ, въ вѣчности. Аминь.

### **Объ отношеніи христіанина къ другимъ.**

(Классическая лекція—въ сокращеніи).

*Якоже хотите да творятъ вамъ  
человѣцы, и вы творите имъ такожде.*  
Лук. VI, 31.

Этими словами Спаситель указываетъ намъ, въ общихъ чертахъ, — каковы должны быть отношенія наши къ другимъ.

Великое дѣло — установить для себя правильныя отношенія къ другимъ, такія отношенія, при кото-

рыхъ и другимъ съ нами было бы хорошо, и намъ съ другими было бы не плохо, и все это не въ обиду правдѣ и долгу. Достигнуть этого значить прочно стать на прямомъ и вѣрномъ пути, и хотя, можетъ быть, медленнымъ, зато твердымъ и самымъ успешнымъ шагомъ идти къ выполнению своего назначенія и достиженію предназначенной цѣли. Поэтому и вопросъ объ отношеніяхъ къ другимъ былъ и остается однимъ изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ труднѣйшихъ вопросовъ. Надъ рѣшеніемъ его много и долго трудились опытъ и наука, и доселѣ еще трудятся. При всемъ томъ, положительныхъ, вполне успокоивающихъ нашу душу, результатовъ вы все-таки не видите. Лучше всего доказываетъ это намъ современное положеніе и состояніе разныхъ обществъ и государствъ міра, рѣдко-гдѣ наслаждающихся прочнымъ миромъ и спокойствіемъ. А жизнь, между тѣмъ, не ждетъ. Куда жъ, скажите, — обратиться за помощію? Гдѣ найти непререкаемо-истинное правило для своего поведенія въ отношеніи къ другимъ? — Такой настоятельно вопіющей нуждѣ и удовлетворяютъ слова Спасителя: *якоже хотите да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ такожде*. Стоитъ труда, поэтому, вдуматься, въ глубокой смыслъ и значеніе ихъ, чтобы потомъ живѣе приложить ихъ къ сердцу и, по возможности, устроить сообразно тому самую жизнь нашу, — не правда ли?

Для этой цѣли мы считаемъ съ своей стороны не неумѣстнымъ предложить общему вниманію хотя слабое свое рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: каковы вообще должны быть наши отношенія къ другимъ? и потомъ — точно ли, какъ, и почему именно, разум-



ное пониманіе и исполненіе занимающихъ насъ словъ, съ одной стороны, ведетъ за собою должныя отношенія наши къ другимъ, съ другой — вызываетъ, пораждаеть и въ другихъ подобныя же отношенія къ намъ?

Въ дѣлѣ сужденія о себѣ и о своихъ дѣлахъ прежде и лучше всего обратиться туда, откуда цѣлыя вѣка слышится намъ одна святая истина. Мы разумѣемъ Св. Писаніе. Нѣтъ нужды говорить, что Виновникъ его — Виновникъ вмѣстѣ и насъ, и всего существующаго. Его кругозоръ, очевидно, безконечно шире и глубже нашего; тогда какъ мы судимъ о себѣ и о всемъ, основываясь только на извѣстныхъ намъ признакахъ вещей и ихъ соотношеніяхъ, — Господь Богъ сразу и непосредственно видитъ самую сущность вещей, и когда что говоритъ или заповѣдуетъ намъ, въ словахъ Его не одно полное знаніе нашей природы, но и сопоставленіе ея въ совершенную гармонію съ Собою и съ цѣлою вселенной. — Верите же св. Библию, и — вы какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ заветѣ прочтете: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* (Лев. XIX, 18; Матѣ. XXII, 39; Марк. XII, 33 и др.). Вотъ, значить, каковы должны быть наши отношенія къ другимъ, по сказанію св. писанія. Если угодно, при свѣтѣ его, васъ могутъ навести на тоже самое заключеніе и доступныя вамъ свѣдѣнія о человѣческой природѣ. Дѣйствительно, самое бытіе свое получаемъ мы изъ рукъ своего Творца, а — какъ? При необходимомъ посредствѣ другихъ. Сначала это бытіе, по душѣ и по тѣлу, дается, такъ сказать, въ зародышѣ и нуждается въ стороннихъ причинахъ для



своего развитія, чтобы т. е. стать ему тѣмъ, чѣмъ должно оно быть. Такимъ посредствующимъ, вспомогательнымъ началомъ и являются для каждаго изъ насъ, главнымъ образомъ, все тѣже окружающіе насъ люди. При ихъ-то содѣйствіи и посредствомъ душевныя и тѣлесныя силы наши и способности, эти таланты, ввѣренныя намъ Богомъ, развиваются, крѣпнута, наполняются нужнымъ содержаніемъ и находятъ потомъ достойное приложеніе. Такъ, съ появленія на свѣтъ Божій и по всему жизненному пути каждому изъ насъ суждено идти къ извѣстной цѣли не одному, а въ ряду и при содѣйствіи миллионъ братьевъ, насъ окружающихъ. Таковъ законъ и для всего существующаго... Но скажите же: въ свою очередь, недолжны ли и мы что-нибудь сдѣлать для этихъ другихъ, и нѣтъ ли чего въ нашей природѣ такого, чтобы напоминало намъ объ этомъ? Законъ взаимности—не также ли всеобщій и непререкаемый законъ во всемъ твореніи Божіемъ? Законъ этотъ присущъ и каждому изъ насъ. На степени темнаго и безотчетнаго сознанія или ощущенія, онъ всегда живетъ въ насъ и называется, обыкновенно, *чувствомъ справедливости*. Движимые этимъ святымъ чувствомъ, этимъ голосомъ разумной и несовсѣмъ еще испорченной природы, вы каждый разъ, какъ случится почему-либо не воздать кому-нибудь должнаго, въ глубинѣ своей души невольно ощущаете глухой и едва внятный ропотъ и недовольство на самихъ себя. Что это, если не неотразимый призывъ—возлюбить ближняго, какъ самихъ себя?..

Далѣе, каждый изъ насъ запасся или запасается извѣстнаго рода свѣдѣніями и опытностію. По-

томъ тому, что онъ узналъ отъ другихъ и вмѣстѣ что пріобрѣлъ изъ собственнаго жизненнаго опыта, въ свою чреду, училъ или учитъ другихъ. Это значитъ усвоить имѣющееся на лицо хорошее и затѣмъ, съ долей собственнаго приращенія, передавать его другимъ. Такимъ путемъ идетъ къ своей цѣли и все человѣчество. Путь этотъ — тоже законъ природы, собственно человѣческій. Состоитъ онъ именно въ усвоеніи лучшаго изъ того, что выработано, приготовлено предками и современниками, а вмѣстѣ въ усиленномъ приращеніи и передачѣ всего этого другимъ. Въ человѣчествѣ и, въ частности, въ каждомъ человѣкѣ онъ также всегда живетъ, и на степени темнаго и простаго ощущенія называется *чувствомъ добра*. Вы обладаете въ достаточной мѣрѣ извѣстнаго рода свѣдѣніями и находите себя въ силахъ сказать или сдѣлать что-нибудь полезное... Не походите ли вы тогда на сосудъ, наполненный водою, закрытый и поставленный въ жаркое мѣсто, — сосудъ, въ которомъ вода, возбуждаемая жаромъ, напираетъ на крышку и готова или сбросить ее, или даже разбить самый сосудъ? Не это ли возвышенное чувство добра порываетъ васъ тогда подѣлиться съ другими тѣмъ, что вы знаете, или чѣмъ можете? Чтожъ опять здѣсь, если не тотъ же призывъ — возлюбить ближняго, какъ самаго себя?.. — Наконецъ, какъ у существъ ограниченныхъ, самыя чувства у насъ, въ отношеніи къ своему развитію, необходимо подвержены закону постепенности. На этотъ разъ мы имѣемъ въ виду развитіе въ себѣ *чувства любви къ Богу* и неразлучно соединенное съ нимъ пріобрѣтеніе нравственнаго совершенства (а

кто станетъ отрицать необходимость этого?), и хотимъ сказать, вмѣстѣ съ апостоломъ Іоанномъ (1 Іоанн. IV, 20), что, кто не разовѣетъ въ себѣ религиозно-нравственнаго чувства и вкуса на столько, чтобы любить образъ и подобіе Божіи, т. е. людей, тотъ тѣмъ болѣе не будетъ въ состояніи любить самаго Бога. Слѣдовательно и для любви къ Богу или нравственнаго преуси́янiя — *возлюбимъ ближняго твоего, яко самъ себе.*

Итакъ, по словамъ св. Писанiя и по внушенiямъ собственной природы нашей, любовь къ другимъ, какъ къ самимъ себѣ, — вотъ въ чомъ состоятъ должныя отношенiя наши къ нимъ!

Обратимся же теперь собственно къ словамъ Спасителя. Не такія ли точно отношенiя во всей ихъ силѣ заповѣдуются намъ и здѣсь?

*Якоже хотите...* Какъ видите, отношенiя наши къ себѣ полагаются мѣрою и образцомъ отношенiй къ другимъ. А къ себѣ — каковы всегда наши отношенiя? *Никтоже когда плоть свою* (т. е. себя вообще) *возненавидѣтъ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Ефес. V, 29); вотъ каковы! Иначе не должно и быть. Намъ дана жизнь, даны силы и способности — ужели съ тѣмъ, чтобы мы сами оставляли ихъ безъ вниманiя и губили бесплодно? А если съ тѣмъ, чтобы всеми законными и богодарованными средствами, въ возможной степени, старались сохранить и развить ихъ, дабы чрезъ то лучше выполнить свое назначенiе; если самъ Господь воспринялъ ту же жизнь и тѣ же силы, а потомъ даже пролилъ за насъ честную кровь Свою, чтобы чрезъ то пробудить и нашу поблекшую жизнь, оживить и направить и наши истощив-

шіяся силы, скажите, — ужели ли же мы сами не должны любить себя? Кому жъ и позаботиться объ насъ, послѣ Бога, какъ прежде и болѣе всего не намъ же самимъ? Поэтому и премудрый Творецъ вложилъ въ наше существо спасительное чувство самосохраненія, которое, особенно если оно проявляется и направляется умомъ, опирающимся, въ своихъ изслѣдованіяхъ, на Откровеніи, — указываетъ намъ какъ то, что намъ вредно и чего, потому, нужно убѣгать, такъ и то, что полезно и чего, значить, слѣдуетъ желать и искать. Руководимые такимъ чувствомъ, вы всегда и сами лично ищете для себя лучшаго, и желаете того же отъ всѣхъ другихъ. И кто, скажемъ прямо, не сочтетъ такого желанія вашего — святымъ желаніемъ, лишь бы оно было въ строго-законныхъ границахъ, и предметъ его вполнѣ былъ достоинъ истиннаго христіанина?.. Судите же, послѣ того, сами: когда мы, по словамъ Спасителя, станемъ устроявать свое поведеніе въ отношеніи къ другимъ, какого себѣ желаемъ отъ нихъ, очевидное дѣло — мы будемъ относиться къ нимъ самымъ лучшимъ образомъ. Подлѣ васъ стоитъ вашъ братъ. Такъ же можетъ онъ думать, какъ и вы, того же желать, чего и вы, такое же и сердце бьется въ груди его, какое и у васъ. Какъ людямъ, и особенно какъ христіанамъ, вамъ хотѣлось бы стать въ должныя къ нему отношенія. Поступайте же съ нимъ всегда, какъ желали бы, чтобы онъ съ вами поступалъ, и — ваши отношенія къ нему будутъ самыя лучшія. Безъ сомнѣнія, отъ него намъ хотѣлось бы всего возможно лучшаго. По одинаковой съ нами природѣ, того же ожидаетъ онъ и отъ насъ; потому

что все, что истинно хорошо для насъ, хорошо также и для него.

*Якоже хотите да творятъ вамъ челоуцы...* Какая заповѣдуются здѣсь глубина и широта любви къ другимъ! Спаситель не говоритъ: поступайте съ другими, какъ они поступаютъ съ вами, а — *«якоже хотите, да творятъ вамъ.»* Т. е. не ограничиваетъ любви къ другимъ воздаяніемъ за одно должное или полученное отъ нихъ, а расширяетъ область ея даже до возможнаго для насъ, и до возможнаго не въ дѣлахъ только, но еще глубже и шире — въ самыхъ желаніяхъ. Это и значитъ любить ближняго всѣмъ существомъ своимъ и именно какъ самаго себя. Такъ, конечно, и должно быть. Что бы было, если бы каждый изъ насъ положилъ себѣ за правило жизни не дѣлать и шагу дальше черты, какую своими къ намъ отношеніями проводить или можетъ проводить ближній нашъ? Каждый, очевидно, сталъ бы поджидать отъ другаго перехода этой черты, и никто не рѣшился бы переступить ее прежде другаго. Отсюда прямое слѣдствіе: богатымъ и сильнымъ было бы хорошо, а бѣдные и незнатные братья и сестры наши — хотъ умирай; повсюду воцарилось бы узкое и близорукое самолюбіе; всѣ и каждый порознь стали бы жить исключительно только для себя; большее или меньшее уравненіе состоянія и правъ, достигаемое, обыкновенно, благотворительностію и челоуколюбивымъ обращеніемъ, не существовало бы; самое движеніе челоучества впередъ было бы больше на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ. Не то однакожь должно быть, не то и бываетъ при посильномъ выполненіи словъ Спасителя. Въ своихъ



желаніяхъ на счетъ другихъ, обыкновенно, мы далеко менѣе расчотливы, чѣмъ наоборотъ... Притомъ, какъ извѣстно, не равныя даются намъ силы и другія разныя блага, но одному нѣтъ талантовъ, другому два, иному и одинъ (Мате. XXV, 16). Это неравенство, по намѣренію Божию, должно однакожь уравниваться; получившіе больше, больше должны и дѣлать, чтобы чрезъ то восполнить неравную долю у другихъ (Лук. XII, 49). А такое уравненіе или восполненіе и слѣдуетъ за разумнымъ выполненіемъ словъ Спасителя. Во исполненіе ихъ, очевидно, каждый изъ насъ долженъ всего себя посвятить на служеніе другому (Іоан. XV, 12. 13). Въ этомъ посвященіи и слѣдствіи его за та и собственная польза каждаго. Когда бы такимъ образомъ поступали всѣ, человѣческія общества представляли бы изъ себя иную, болѣе свѣтлую картину, и жизнь каждаго изъ насъ была бы, очевидно, краше и отраднѣе. Лица и сердца всѣхъ и каждаго дышали бы простотою, искренностію и благотворительствомъ; дѣло каждаго и общее дѣло всего человѣчества шло бы впередъ и впередъ, шло безъ всякихъ задержекъ, скачковъ, извилинъ и лихорадочныхъ порывовъ, а тихо, но за то постоянно, дружно, прямо и вѣрно. Словомъ: жизнь человѣчества, полезная и пріятная для всѣхъ и для каждаго изъ насъ въ частности, представляла бы чрезъ то изъ себя одинъ дивный инструментъ, горманическіе звуки котораго неслись бы прямо на небеса, къ чертогу Всевышняго, и давали бы Ему видѣть, что, воплощеніемъ Его Единороднаго Сына, насажденный на землѣ рай снова цвѣтетъ и приноситъ сладкіе плоды...



*Якоже хотите да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ такожде.* Желаящій стать въ должныя отношенія къ другому очень можетъ и долженъ придти еще къ вопросу о способѣ познанія своего ближняго, чтобы потомъ на вѣрномъ познаніи созидать вѣрныя къ нему отношенія. Смотрите же: въ словахъ Спасителя наше поведеніе въ отношеніи къ другимъ, слѣдовательно и знаніе другихъ, основывается на предварительномъ знаніи себя или самопознаніи. Не къ тому ли пришла и современная наука (психологія)? Въ самомъ дѣлѣ, какъ дается намъ возможно—полное и вѣрное познаніе радостей и печалей другаго, во всѣхъ ихъ безконечно разнообразныхъ степеняхъ и оттѣнкахъ, и вообще всякаго душевнаго, да отчасти и тѣлеснаго его состоянія? Вѣдь не чрезъ непосредственное жъ дознаніе ихъ въ другомъ или, такъ скажемъ, подсмотрѣніе способа рожденія и развитія ихъ въ собственномъ его существѣ: на это мы не способны. Нѣтъ, собственное наше сердце—вотъ кто, при взглядѣ нашемъ на другаго, узнаетъ и воспроизводитъ его состоянія, какъ свои родныя и уже знакомыя ему,—другими словами: какъ бы подлагаетъ каждый разъ свои собственные и большею частию уже испытанныя состоянія, и въ такомъ видѣ сочувствуетъ имъ. Потому-то и Сердцевѣдецъ, въ дѣлѣ устроенія отношеній своихъ къ другимъ, заповѣдуетъ намъ предварительно справиться съ собственнымъ нашимъ сердцемъ: *Якоже хотите да творятъ вамъ чловѣцы,*—видите, съ чего начинается, а потомъ уже добавляетъ, — *и вы творите имъ такожде.* Какъ-бы такъ Онъ говоритъ: «вамъ не дано непосредственно читать въ душѣ другаго

внутреннихъ его состояній; но вы имѣете одну съ нимъ природу; поэтому какъ и что истинно хорошо для вашего собственнаго сердца, такъ и съ тѣмъ смѣло относитесь къ другимъ, и — отношенія ваши къ нимъ будутъ самыя лучшія».

Такой глубоко-вѣрный и сильный призывъ къ самой полной съ нашей стороны и искренней любви, къ самымъ лучшимъ, чисто братскимъ отношеніямъ къ другимъ содержать въ себѣ слова Спасителя!

Не менѣе вѣрно и то, что поступать по смыслу словъ Спасителя значитъ вызывать, порождать и въ другихъ болѣе или менѣе должныя къ себѣ отношенія. — Когда вы обращаетесь съ другими хорошо, вы не можете не замѣтить, что рано или поздно и они, по большей части, начинаютъ обращаться съ вами также. Отъ чего это? Отъ того, что у всѣхъ насъ одна и таже природа и вся разность только въ томъ, что иному, какъ сказали, дано пять талантовъ, а иному меньше, и что это потомъ данное, подъ воспитательнымъ вліяніемъ виѣшней природы, обстоятельствъ и окружающихъ людей, у того бываетъ развито и направлено хорошо, у другого — напротивъ. Мы хотимъ сказать, что каждому человеку, какъ и вамъ, врождены тѣже святые чувства справедливости и добра, не чуждо и стремленіе къ религіозно-нравственному совершенству. Только наплывъ житейскихъ впечатлѣній и привычекъ у каждаго бываетъ неодинаковъ: у иныхъ онъ болѣе или менѣе благопріятствуетъ развитію всего хорошаго, у другихъ напротивъ. Отсюда между прочимъ наше дѣленіе людей, болѣе или менѣе общее, на добрыхъ

и недобрыхъ. И въ сношеніяхъ съ обоего рода людьми ваши хорошія отношенія производятъ соотвѣтствующія себѣ дѣйствія. Вы имѣете дѣло съ хорошимъ человѣкомъ. У него, конечно, развиты нравственные качества. Несмотря на то, дурное обращеніе съ такимъ человѣкомъ очень можетъ подавить или притупить свѣжесть его чувствъ, по крайней, мѣрѣ въ извѣстной степени остановить или задержать ихъ развитіе. Всякое чувство поддерживается и развивается при извѣстной взаимности. Съ отсутствіемъ взаимности часто тупѣетъ, если не умираетъ, самое чувство. Съ бесплодной почвы, при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ для растительности, вы никогда не соберете желаемого плода... Совсѣмъ не то, когда съ хорошимъ человѣкомъ и вы обращаетесь хорошо: всѣ добрыя чувства ваши, питаемая и развиваемая теплою взаимностію, болѣе и болѣе растутъ и крѣпнутъ. Надобно испытать, чтобы потомъ сознательно вѣрить, что у васъ тогда завязываются съ нимъ отношенія чисто братскія, и вы начинаете сердцемъ вкушать тотъ рай, въ которомъ снова, по замѣчанію св. Іоанна Божьего, вселяется и пребываетъ Самъ Богъ (1 Іоан. IV, 12. 17)...—Съ теченіемъ времени, не вдругъ, а постепенно, тѣхъ же результатовъ можно достигать, имѣя дѣло и съ недобрыми людьми. Есть и у нихъ, всегда есть, искра добра и нравственности. Только она лежитъ и тлѣетъ подъ болѣе или менѣе густымъ пеломъ неблагопріятныхъ житейскихъ впечатлѣній и привычекъ, которыя, какъ нѣвая кора, покрываютъ ихъ грубое и испорченное сердце. Коснитесь же этого сердца животворнымъ лучемъ брат-

ской любви, обращайтесь съ такими людьми, какъ сами, будучи на ихъ мѣстѣ, пожелали бы, чтобы другіе съ вами обращались, и—вы замѣтите, какъ это грубое сердце, согрѣваемое и размягчаемое теплотою вашихъ хорошихъ отношеній, постепенно начнетъ сбрасывать налегшую на него кору. Вы чрезъ то пробудите и вызовете съ глубины порочной души всѣ лучшія чувства и стремленія, вы будете питать и возвращать ихъ и, въ свою очередь, послужите предметомъ для ихъ удовлетворенія или обнаруженія. Такъ весеннее солнце, своимъ живительно-теплымъ дыханіемъ, воскрешаетъ, пробуждаетъ и питаетъ жизнедѣятельность растений, цѣпенѣвшую до толѣ подъ холоднымъ покровомъ зимы... Хотите видѣть это въ примѣрѣ? Всего лучше всмотритесь и вдумайтесь внимательнѣе въ образъ жизни и дѣятельности Богочеловѣка на землѣ. Всегда, съ кѣмъ бы ни обращался, прежде всего Онъ имѣетъ въ виду степень (умственного и нравственного) развитія человѣка, потомъ какъ бы поставляетъ Себя на мѣстѣ этого человѣка, становится съ нимъ точно въ рядъ, и за тѣмъ уже поступаетъ съ нимъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы тотъ съ нимъ поступалъ, когда бы т. е. Самъ Спаситель былъ въ положеніи того человѣка. Таково было поведеніе Спасителя въ отношеніи къ Евреямъ, язычникамъ, да и не таково ли и все дѣло Его воплощенія, т. е. отношенія Его ко всему человѣчеству? И—сколько такимъ образомъ спасалъ и спасаетъ Онъ разнаго рода людей?.. Подобныя отрадныя явленія каждый, кто внимателенъ къ текущей около него жизни, всегда могъ и можетъ наблюдать самъ. Простое дѣло: лестъ—почему

она служить такимъ сильнымъ рычагомъ въ нашемъ грѣшномъ мірѣ? Все потому же: она будить и шевелить, — худо, что излишне и не какъ должно, — тѣже добрыя качества въ человѣкѣ.

Могутъ, однако жъ, сказать на все это: «какъ же всегда относиться къ другимъ по смыслу словъ Спасителя, когда эти другіе, случается, такъ глубоко испорчены, что о взаимныхъ, съ ихъ стороны, хорошихъ отношеніяхъ нечего и думать, что напротивъ — они всегда готовы высосать изъ васъ все хорошее и васъ же потомъ выбросить вонъ, какъ бесполезную вещь? Вѣдь и Спасителя распяли Евреи, хотя и обращался Онъ съ ними какъ нельзя лучше...» Такъ, въ этихъ словахъ есть доля горькой правды. И что нерѣдко бываетъ слѣдствіемъ такого порядка вещей? Разрываютъ живую связь съ большею частію людей, уединяются въ себя и противъ воли дѣлаются, какъ говорятъ, особняками, равнодушными къ интересамъ другихъ, чуть не мизантропами. Не здѣсь ли основаніе и тому, что нынѣ такъ жалуются на отсутствіе во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми прямоты, искренности и откровенности?.. Но, м.м. г.г., явленіе это и направленіе — не правильныя. Не таковъ долженъ быть исходъ дѣла. Что за нужда, что нѣкоторые и злы, и порочны? Разсудите сами: что такое — злые и порочные люди и, главное, отчего они таковы? — Это люди нравственно неразвитые, или развитые въ дурную сторону; это такіе люди, которые лишены блаженства знать и ощущать сердцемъ, какое безконечное превосходство добродѣтели предъ порокомъ. И въ такомъ лишеніи часто виноваты сколько они



сами, столько же, если еще не больше, все то, отъ чего зависѣло и зависеть ихъ развитіе и образованіе. Чтоже? Разумно, по-христіански ли съ нашей стороны дурно относиться къ такимъ людямъ? Значить ли это угашать, или, скорѣе, питать и умножать зло? Пожара не тушатъ масломъ.. Напротивъ, до послѣдней степени нужно поддерживать и возбуждать въ порочномъ челоѣкѣ искру добра, которая, пока онъ живъ, всегда тлѣетъ подъ густымъ слоемъ пепла. Такого обращенія не понимаютъ и непринимаютъ? Не дѣлаютъ этого теперь, сдѣлаютъ завтра, не завтра, такъ послѣ; не дѣлаютъ извѣстные люди, сдѣлаютъ за нихъ другіе. И вообще ни одно доброе дѣло, ни одно хорошее слово, даже самая мысль ко благу другого никогда не могутъ пропасть даромъ и остаться безъ слѣда. Точно, Евреи распяли Спасителя. Онъ и Самъ напередъ зналъ и неразъ предрекалъ объ этомъ. Не смотря на то, не измѣнилъ же къ нимъ Своихъ отношеній, такъ что даже и умеръ подъ ихъ ударами, преисполненный къ нимъ безконечной любви (Лук. XXIII, 34). Чѣмъ однакожь кончается дѣло? Мы имѣемъ утѣшеніе видѣть, что тѣ же самыя Евреи, отъ времени до времени, своимъ обращеніемъ ко Христу болѣе и болѣе увеличиваютъ число вѣрующихъ въ Него. Подобное тому нерѣдко случается и съ людьми, такъ называемыми, великими реформаторами, или особенно замѣчательными общественными дѣятелями. Надѣленные великими дарами, и чрезъ развитіе ихъ ставшіе гораздо выше обыкновенныхъ людей, нерѣдко не вполнѣ оцѣниваются они послѣдними и, потому, не встрѣчаютъ дол-



жныхъ къ себѣ отношеній. Но—чтоже? Едва успѣютъ они успокоиться въ могилѣ, какъ тѣже самые люди или исторія оцѣниваютъ ихъ и воздаютъ имъ должное.

*Свящ. П. Палицынъ.*

## ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИЖКА

«Трудовъ кievской духовной академіи» за январь 1868-я годъ.

Содержаніе ея слѣдующее:

I) — Книга пр. Исаія, гл. XXV—XXIX (Переводъ съ евр., продолженіе см. Труды к. д. а. 1868 г. Май). II. Св. Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ покаяніи. *В. Пльеницкаго.* III. Боссюэтъ, епископъ москій, и значеніе его для католической церкви во Франціи. *М. Лебедева.* IV. Изслѣдованіе о Талмудѣ (статья первая.) *С. Димитскаго.* V. Задача предложенная императорскою академію наукъ на соисканіе поощрительныхъ премій Графа Уварова. VI Творенія бл. Іеронима (перев. съ латин.).

Редакторы: Арх. Веніаминъ, Иг. Арсеній.

Свящ. **Θ. Никоновъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрубинъ* и священникъ *Волковъ.* Воронежъ. Марта 26 дня, 1868 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.